

А. В. Кульчицкий

ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА СЛУЖАЩИХ В ВЕДОМСТВЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ: 1885–1917 гг.

Автором впервые освещается пенсионная система, используемая ведомством Министерства юстиции, с середины XIX столетия до Октября 1917 г. в отношении своих сотрудников, уходящих в отставку с помощью принципов назначения казенного пенсионера, дополняемого с 1885 г. эмеритальными выплатами, имевшими накопительный характер.

Ключевые слова: общепенсионное законодательство, эмеритальная специфика по Министерству юстиции.

A. Kulchitsky

THE PENSION SYSTEM OF THE EMPLOYEES IN THE MINISTRY of Justice: 1885–1917

The pension system implemented by the Ministry of Justice concerning its employees retiring from the middle of the 19 century till October 1917 is regarded, the principles of appointing state pension supplemented since 1885 with additional payments are described.

Keywords: pension legislation, pension specificity of the Ministry of Justice.

Первоначально четкой системы и единства правил в обеспечении пенсиями служащих Министерства юстиции не существовало, их назначали по решению различных организаций призрения за травмы, не совместимые с дальнейшей службой, или за особые заслуги при выходе в отставку по личному распоряжению царя. Мысль об обеспечении положения лиц ведомства, оставляющих службу, и их семейств, а равно семейств умерших на службе, возникла в середине XIX столетия. Для этого с 1 июля 1885 г. была образована эмеритальная касса ведомства Министерства юстиции, имевшая целью обеспечить существование оставляющих службу различных чинов ведомства, участвовавших своими взносами в кассе, и их семейств производством пенсий, независимо от тех выплат, какие им могли следовать на основании общих законов, особых уставов и высочайших повелений.

Денежные средства кассы принадлежали к специальным средствам Министерства юстиции, являясь собственностью всех ее участников, и могли быть истрачены только на пенсии и расходы по управлению кассы [17, с. 5].

Участниками эмеритальной кассы Министерства юстиции считались: товарищ министра юстиции и его помощники; лица, занимающие штатные должности в общих судебных местах, штатные чины губернских, областных, коммерческих, мировых судов, чиновники центрального аппарата Министерства юстиции и подведомственных ему учреждений — Главного тюремного управления и т. д., — если они пользовались содержанием и правами государственной службы; лица прокурорского надзора империи, обер-прокуроры правительствующего сената, губернские и областные прокуроры, уездные стряпчие, преподаватели Императорского училища правоведения, судебные приставы, а также штатные чины канцелярий, состоявшие при всех вышеперечисленных органах юстиции [17, с. 6].

Не считались участниками кассы ведомства судебные чины губерний Варшавского округа, которые до открытия пенсионной кассы изъявили желание принадлежать к общему эмеритальному обществу царства Польского [17, с. 7].

Лица, участвовавшие вычетами в кассу ведомства Министерства юстиции не менее

10 лет, если в дальнейшем были назначены членами Государственного совета или сенаторами не в кассационные департаменты, могли продолжать свое участие в кассе, уплачивая взносы с содержания, что давало им возможность приобрести пенсию по общим правилам устава [17, с. 7].

Эмеритальный срок засчитывался и кандидатам на судебные посты в случае назначения их на одну из штатных должностей по ведомству Министерства юстиции и в случае, если они за все время состояния их в звании кандидата отчисляли средства в кассу.

Капитал кассы образовывался из эмеритальных вычетов с чинов ведомства в размере 4% годовых [17, с. 8]: из всего жалования, из премий, столовых и квартирных денег, производившихся со дня открытия кассы, с наросшими на эту сумму процентами; из добровольных пожертвований в пользу кассы (как при жизни, так и по завещанию дарителя), а с 1895 года большинство участников кассы проголосовали за увеличение вычета с 4% до 5% в год [12, с. 107].

С участников кассы, получавших содержание свыше 7000 рублей, вычет производился в размере 280 руб. в год, а из оклада судебных следователей при окружных судах и мировых судей — 1800 руб. и 2100 рублей соответственно, каков бы ни был действительный размер получаемой ими зарплаты [17, с. 8]. Эмеритальный оклад в 2000 руб. устанавливался для министра юстиции, его товарища и сенаторов кассационных департаментов.

Сумма в 1750 руб. полагалась лицам, обложенным вычетами с содержания в 6000 руб. и выше, если они не принадлежали к числу лиц, имевших право на первый оклад.

Оклад пенсии в 200 руб. полагался большей части служащих с вычетами из содержания ниже 600 руб., кроме судебных рассыльных, которые получали пенсион всего в 120 рублей [17, с. 25].

Судебным следователям при окружных судах и мировым судьям присваивался оклад в 720 руб. эмеритальной пенсии, независимо от размера действительно получаемого ими

содержания. К пенсионному содержанию, получаемому судебными приставами при окружных судах, прибавлялось 300 руб., а при мировых судах 200 руб. [17, с. 25].

В итоге на 1 июля 1885 г. капитал кассы уже составлял 6 млн руб. [15, с. 3–6]; а через 10 лет насчитывал свыше 17 млн руб. [12, с. 113]; к 1 января 1907 г. баланс вырос до 32 млн 416 тыс. руб. [13, с. 1]; а к 1 января 1909 г. — до 35 млн 662 тыс. руб. [14, с. 1].

В Курской же губернии существовала также судносберегательная касса Курского окружного суда, капитал которой на 1886 г. равнялся почти 9 тыс. руб., а к 1893 году он достиг 20,5 тыс. руб. [16, с. 16].

Правом на получение пенсии из эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции, на точном основании постановлений данного устава, пользовались сами участники кассы или их семейства. Под словом „семейства” подразумевались жена участника, с которой он вступил в брак до выхода из числа членов кассы и дети, рожденные до приобретения пенсии или законные и усыновленные впоследствии, а также мать участника кассы [12, с. 18].

Для приобретения прав на пенсию было необходимо прослужить в штатных должностях по ведомству Министерства юстиции не менее 25 лет и быть минимум 10 лет участником эмеритальной кассы. Причём правом на пенсии могли воспользоваться только при выходе в отставку по выслуге лет или получившие на работе по данному ведомству тяжкие болезни, лишаящие их всякой возможности продолжать службу, а именно: паралич, лишение рассудка, зрения, слуха или тяжкие увечья.

Таким образом, размер эмеритальных пенсий участникам кассы определялся следующими факторами: 1) окладом содержания, из которого и производились вычеты в последние три года участия его в кассе; 2) количеством лет службы в ведомстве Министерства юстиции и 3) количеством лет участия в эмеритальном учреждении. Если содержание члена кассы изменялось в течение трех последних лет пребывания в пенсионной организации, то пенсия рассчитывалась по наименьшему размеру данного содержания.

Эмеритальные пенсии по числу лет службы в Минюсте разделялись на классы, а по числу лет участия в кассе каждый класс разделялся на разряды.

Если кто-либо из участников кассы в течение своей службы переходил в другие ведомства или же выходил в отставку, а потом снова поступал туда же на службу, то при определении класса пенсии принималось в расчет совокупно все время службы в штатных должностях по означенной структурной организации. Таким же образом исчислялось число лет участия в эмеритальной кассе для определения разряда, причитающегося участнику из общего эмеритального оклада. Пенсии первого класса назначались лицам, оставляющим службу по выслуге в ведомстве Министерства юстиции 35 и более лет, а также тем, кто там получил на работе тяжкие, указанные выше болезни, или увечья. Если работники состояли по данному министерству от 25 до 35 лет, им присваивался пенсион по второму разряду. Если же срок службы равнялся менее 25, то засчитывался как 20 лет, и так далее соответственно [15, с. 38].

Например, Н. Н. Иванов, отставной коллежский регистратор в должности тюремного инспектора в г. Чернигове получал пенсию из Государственного казначейства в размере 90 рублей в год [10, с. 1–5]; Федор Бежанов, прослуживший 35 лет в должности судебного пристава и вышедший в отставку в 1905 г., — 385 руб. в год [9, с. 1–4]; Д. Дагаев, служивший более 24 лет по Министерству юстиции на должности архивариуса Курского окружного суда, был уволен в отставку по болезни в 1899 г. с получением пенсии в 1287 руб. в год из Курского губернского казначейства [2, с. 1–5]; Н. А. Никольский, отслужив по этому ведомству 18 лет, два года по Министерству путей сообщений и восемь лет вновь по Минюсту на должности судебного пристава при съезде мировых судей Дмитриевского уезда, заработал пенсию 85 руб. в год от казны [6, с. 1–6]. Илья Ермоленко со стажем более 22 лет по линии Министерства юстиции и МВД, в последнее время — на должности полицейского пристава второго стана Обоянского уезда, в 1890 г. вышел в отставку в результате

болезни, заслужив 214 рублей годовой пенсии из сумм Государственного казначейства [1, с. 1–5]. Статскому же советнику К. Бирдскому, председателю упраздненного съезда мировых судей и бывшему мировому судье первого участка Курского мирового округа за 25-летнюю службу назначили усиленную пенсию в 571 руб. в год [11, с. 1–26]. Отставной коллежский асессор Алексей Булгаков получал годовую пенсию в размере 87 рублей за почти 23-летнюю службу в Львовском суде и полиции города Львова [4, с. 1–5]. Отставной канцелярский служитель по линии Министерства юстиции при Курском окружном суде Казимир Лункевич получал пенсию из Курского казначейства в размере — 120 руб. в год как уволенный по болезни [5, с. 1–11]. Коллежскому асессору, по документам проходившему под «некто “К”», умершему на службе, по выслуге свыше 16 лет, производившему в последние шесть лет службы 4-ный % вычет из оклада в 1600 рублей в год, а перед этим состоявшему более 11 лет судебным следователем и платившем до открытия действия кассы по 60 руб., была присвоена пенсия в размере 720 руб. [12, с. 19].

Правом на получение пенсии также обладали вдовы и дети главы семейства по следующим причинам: а) смерть мужа или отца, который получал пенсию или приобрел право на нее; б) лишение его всех прав состояния; в) нахождение его в безвестном отсутствии по истечении одного года со дня публикации о сыске; г) пострижение его в монашество [17, с. 11–12].

За основание пенсии семействам участников кассы принимался тот эмеритальный оклад, который получал или на получение которого имел право сам участник. Вдова имела право на половину пенсии ее мужа.

В частности, вдовья пенсии получали: вдова Анастасия Андреева — 150 руб. в год за мужа, который служил по тюремному ведомству по последней должности смотритель Львовского дома арестованных, который был уволен в отставку в 1908 г. из-за расстроенного здоровья [7, с. 1–4]. Аделаида Альфредовна Виктовская, вдова надворного советника, муж которой служил судебным приставом в Каменец-Подольском

окружном суде и умер в 1896 г., получала общую пенсию 217 руб. в год, из них в Курском казначействе — 9 руб. и эмеритур 12 руб. [8, с. 1–6].

Дети при вдове участника кассы, хотя бы она и утратила право на пенсион своего мужа, получали на следующем основании: одна полусирота — 1/6 пенсии отца, двое полусирот — 2/6, трое и более — 3/6, которые распределялись между ними поровну. По смерти обоих родителей дети считались круглыми сиротами и получали пенсию на следующем основании: одна сирота — одну четверть, двое сирот — две четверти, трое сирот — три четверти, четыре и более сироты — полную пенсию их отца [17, с. 12].

Дети участников кассы объявлялись в отношении права на пенсию круглыми сиротами также и во всех тех случаях, когда для обоих родителей наступало одно из условий, перечисленных выше правил по отношению к вдове.

Пенсии вдовам и детям участников эмеритальной кассы производились: вдовам — до замужества или до поступления на государственную службу, соединенную с получением содержания; сыновьям — до достижения 21 года или до поступления на госслужбу, соединенную с получением зарплаты, если это состоялось ранее упомянутого возраста; дочерям — до 21-летия или до выхода в замужество, а также до получения штатного места в государственной службе с содержанием, если то или другое состоялось ранее достижения ими гражданского совершеннолетия. Тяжело больным детям,

лишенным всякой возможности существовать собственным трудом, присваивалась пенсия пожизненно [17, с. 12–13]. К примеру, помимо ранее упомянутой вдовой пенсии за умершего Андреева, его дочь получала пенсию в размере 50 рублей в год за отца, который служил по тюремному ведомству во Льгове [7, с. 1–4]; 54-летняя Анна Глуховцова получала пенсион в размере 250 руб. в год за отца, который работал мировым судьей [6, с. 1–4].

Дети участников кассы, воспитывающиеся в учебных заведениях на казенный счет или на счет сословий, обществ, учреждений и части их лиц, не лишались права на эмеритальный оклад. Причитающаяся им пенсия передавалась из казначейства начальству того заведения, в котором они воспитывались, и безотлагательно вносилась ими в кредитную организацию для приращения процентами и выдачи воспитанникам или воспитанницам при выходе их из данного заведения. В случае, если ребенок, обладающий правом на пенсион, был устроен в учебное заведение на государственный счет матерью или опекуном, он мог воспользоваться правом получения пенсии на руки лицом, поместившим его в учебное заведение.

В общем итоге ведомственные пенсии из государственной казны, дополненные с 1885 г. эмеритальными выплатами, имевшими накопительный характер, значительно улучшили социальное положение служащих по ведомству Министерства юстиции и членов их семей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Курской области (далее — ГАКО). ф. 1, оп. 1, д. 7492, л. 1–5.
2. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 7559, л. 1–5.
3. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 7598, л. 1–6.
4. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 6799, л. 1–5.
5. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 9953, л. 1–11.
6. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 10574, л. 1–4.
7. ГАКО. Ф.1, оп.1, д. 10586, л. 1–4.
8. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 10691, л. 1–6.
9. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 10696, л. 1–4.
10. ГАКО. Ф. 1, оп.1, д. 10699, л. 1–5.
11. ГАКО. Ф. 32, оп 3-л., д. 350, л. 1–26.
12. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1890–1894 гг. СПб., 1896. С. 150.

13. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1907 г. СПб., С. 8.
14. Отчет эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за 1908 г. СПб., С. 7.
15. Труды эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за первое пятилетие СПб., 1890. С. 71.
16. Труды эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции за второе пятилетие СПб., 1896. С. 33.
17. Устав эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции. СПб., 1885. С. 27.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (dalee — GAKO). f.1, op.1, d.7492, l. 1–5.
2. GAKO. f. 1, op.1, d. 7559, l. 1–5.
3. GAKO. f. 1, op.1, d. 7598, l. 1–6.
4. GAKO. f. 1, op.1, d. 6799, l. 1–5.
5. GAKO. f. 1, op.1, d. 9953, l. 1–11.
6. GAKO. f. 1, op.1, d. 10574, l. 1–4.
7. GAKO. f. 1, op.1, d. 10586, l. 1–4.
8. GAKO. f. 1, op.1, d. 10691, l. 1–6.
9. GAKO. f.1, op.1, d. 10696, l. 1–4.
10. GAKO. f. 1, op.1, d. 10699, l. 1–5.
11. GAKO. f. 32, op 3–1., d. 350, l. 1–26.
12. Otchet emerital'noj kassy vedomstva Ministerstva justicii za 1890–1894 gg. SPb., 1896. S. 150.
13. Otchet emerital'noj kassy vedomstva Ministerstva justicii za 1907 g. SPb., S. 8.
14. Otchet emerital'noj kassy vedomstva Ministerstva justicii za 1908 g. SPb., S. 7.
15. Trudy emerital'noj kassy vedomstva ministerstva justicii za pervoe patiletie SPb., 1890. S. 71.
16. Trudy emerital'noj kassy vedomstva ministerstva justicii za vtoroe patiletie SPb., 1896. S. 33.
17. Ustav emerital'noj kassy vedomstva Ministerstva justicii. SPb., 1885. S. 27.

Д. В. Михеев

ИНОСТРАННЫЕ КАПЕРЫ В ИСПАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР (1568–1572)

Автор определяет роль иностранных каперов в развитии англо-испанского конфликта 1568–1572 гг. Он рассматривает проблему каперского промысла как инструмента внешней политики европейских держав в эпоху религиозных войн. Анализируя роль каперов-гугенотов и морских гёзов в англо-испанском конфликте 1568–1572 гг., автор определяет влияние, которое оказала позиция английского правительства в начале освободительной борьбы гёзов.

Ключевые слова: Англия, гугеноты, Испания, капер, каперский патент, морские гёзы.

D. Mikheev

FOREIGN PRIVATEERS IN THE POLICY OF ELIZABETH TUDOR (1568–1572)

The role of foreign privateers in the development of Anglo-Spanish conflict of 1568–1572 is defined, and the issue of corsair craft as an instrument of foreign policy of the European powers in an era of religious wars is regarded. In the analysis of the role of the Huguenot privateers and Sea Beggars in the Anglo-Spanish conflict of 1568–1572, the influence of the position of the English government at the beginning of the liberation struggle of Beggars is emphasized.

Keywords: England, Huguenots, Spain, privateer, letter of marquee, Sea Beggars.